

Форрест Гамп

Автор:

Уинстон Грум

Форрест Гамп

Уинстон Грум

Азбука-бестселлер

«Мир уже никогда не будет прежним после того, как вы его увидите глазами Форреста Гампа», – гласил слоган к знаменитому фильму Роберта Земекиса с Томом Хэнксом и Робин Райт в главных ролях, номинированному на тринадцать «Оскаров», получившему шесть и ставшему одной из самых кассовых картин в истории кинематографа. Те же слова в полной мере применимы и к роману Уинстона Грума, легшему в основу фильма. «Жизнь идиота – это вам не коробка шоколадных конфет», – заявляет Форрест в первых же строчках, и он знает, что говорит (даже если в фильме смысл этой фразы изменился на едва ли не противоположный). Что бы с Форрестом ни случилось и куда бы его ни заносило (во Вьетнам и в Китай, на концертную сцену и на борцовский ринг, в Белый дом и в открытый космос), через всю жизнь он пронес любовь к Дженни Каррен и способность удивлять окружающих – ведь он «идиот, зато не тупой»...

Роман публикуется в новом переводе.

Уинстон Грум

Форрест Гамп

Winston Groom

FORREST GUMP

Copyright © 1986 by Perch Creek Realty and Investments Corp.

All rights reserved

Серия «Азбука-бестселлер»

© Е. Петрова, перевод, примечания, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Джимбо Мидору и Джорджу Рэдклиффу, которые всегда по-доброму относились к Форресту и его друзьям

Есть радость в сумасшествии самом,

она лишь сумасшедшему известна.

Джон Драйден[1 - Есть радость в сумасшествии самом, она лишь сумасшедшему известна. – Афоризм влиятельного английского поэта, драматурга, критика Джона Драйдена (1631–1700) из комедии «Испанский монах» (1681) – здесь и далее примечания переводчика.]

Я так скажу: жизнь идиота – это вам не коробка шоколадных конфет. Со всех сторон смешки, придирки, гнустное отношение. Нынче говорят, что к людям с подобными недостатками следует относица терпимо, но вы уж поверьте: так бывает не всегда. Да ладно, я не жалуясь, поскольку в жизни у меня происходит не мало интересного.

Идиот я с рожденья. У меня Ай-Кью – около 70, а это уже как бы кленический случай. Вобще я, наверно, ближе к умственно отсталым или к не развитым даже, но лично мне на руку считать себя просто напросто слабо умным или типо того, но только не идиотом, потому как идиот, по общему мнению, это скорей даун – глазки в кучку, слюни пускает и сам с собой на людях играеца.

Не спорю, собразилровка у меня работает медленно, однако же я поумней буду, нежели чем многие думают, просто со стороны не видать, что у меня в голове делаеца. К примеру, я мозгами нормально шевелю, а когда мысли свои хочу записать или в слух высказать, ничего толком не получаеца. Щас поесню.

Иду я как-то по улице, а сосед у себя во дворе копошица. Притаранил кусты на посадку и меня зовет: «Форрест, хочешь деньжат срубить?» Ну, я такой: «Угу», и он меня подпрягает всякое кало вывозить. Тачек десять набралось или двенацать даже, вот и вози за три-девять земель. С меня семь котов сошло, а он лезет в карман и протягивает мне доллар. Один. Я хотел было заспорить, что, мол, низкая очень плата, а сам взял у него этот триклятый доллар, выдавил «благодарю» или типо того, по глупому, да и потопал дальше как идиот, то комкая, то расправляя эту бумашку.

Теперь вам понятней стало?

Я, между прочим, на идиотах собаку съел. Единственное, наверно, в чем я разбираюсь, потому как все книшки про них перечитал: к примеру, есть такой писатель, Доскаевский, у него описан идиот, у короля Лира был шут дурак, у Фолкнера тоже идиот выведен, Бенджи зовут[2 - ...у Фолкнера тоже идиот выведен, Бенджи зовут... – Бенджамин Компсон – умственно отсталый персонаж романа У. Фолкнера «Шум и ярость» (1929), от лица которого ведется

повествование в первой части произведения. Бенджи – 33-летний мужчина с душой и сознанием ребенка – дает простые и наивные комментарии событиям своего рассказа, лишь изредка находя понимание в кругу рационально мыслящих людей.], а уж Страшила Рэдли из «Убить пересмешника»[3 - ...Страшила Рэдли из «Убить пересмешника»... – Артур Рэдли по прозвищу Страшила Рэдли – загадочный персонаж романа Харпер Ли «Убить пересмешника» (1960). Наводя своим затворничеством страх на соседских детей, он в конечном итоге оказывает им помощь в трудную минуту.] – всем идиотам идиот. Но самый класный – это Ленни из книшки про людей и мышей[4 - ...Ленни из книшки про людей и мышей. – Физически сильный, но недалекий персонаж повести Джона Стейнбека «О мышах и людях» (1937), мечтающий о собственной ферме.]. Писатели – они в корень зря: у них идиоты всегда умней, нежели чем кажуца. Черт, с этим не поспоришь. Это каждый дурак знает. Ха-ха.

При рождении мама дала мне имя Форрест, в честь Генерала Натаниэля Бедфорда Форреста, героя войны Севера и Юга. Мама всегда говорила, что мы с ним в ротстве. А он якобы был великий человек, только зачем-то после войны организовал Куклус-клан. Даже бабушка моя заевляла, что в этом клане подлец на подлеце сидит и под лицом погоняет.

С этим не поспоришь, поскольку в нашем районе живет Великий Козлочей[5 - Великий Козлочей – то есть Великий Казначей, ведущий все финансовые дела в отделении ку-клукс-клана (аналогично – в масонской ложе).], или как он там себя именуует, у него в городе оружейный магаз, а я однажды, когда мелкий еще был, лет 12, проходил мимо, заглянул в окно, а там здоровенная удавка с потолка свисает. Этот увидел, что я глазею, набросил себе на шею петлю и как бы самого себя вздернул: аж язык на бекрень, чтоб меня припугнуть. Ну, я деру дал, конечно, затаился на парковке и сидел за какими-то машинами, пока водители не вызвали полицейских, а уж те меня отвезли к маме. Впрочем, про другие его подвиги не скажу, но только напрастно Генерал Форрест свой Куклус основал – это вам каждый дурак скажет. Короче, вот откуда взялось мое имя.

Мама у меня – прекрасный человек. Так все говорят. А папу моего убило, как я только родился, его я не знал даже. Работал он грущиком в порту и однажды подъемный кран подцепил с палубы сухогруза компании «Юнайтед фрут» огромную клеть бананов, а у крана толи крюк сломался, толи что, и все бананы рухнули прямо на моего папу. Осталось от него только мокрое место. Потом при мне какие-то дядьки обсуждали тот нещасный случай: мол, жуткое дело – полтонны бананов человека под собой похоронили. Сам-то я бананы не

очень люблю, разве что банановый пудинг. Пальчики оближешь. Начальство «Юнайтед фрут» положило моей маме не большое пособие, и она еще комнаты здавала, так что мы не голодали. Когда я был маленький, она часто держала меня в четырех стенах, чтобы огородить от хулиганов. Летом, в самую жару, сажала меня в гостиной и задергивала шторы, чтоб там царили холодок и полумрак, а сама приносила мне в куфшине домашний лимонад. А потом сядет рядом и со мной беседует не о чем особенном, вроде как с котенком или со щенком, но я ничего, мне нравилось даже, потому как голос ее меня реально успокаивал, убоюкивал.

По началу, когда я только подрастал, она еще отпускала меня играть с ребятами, но потом узнала, как они на меня дразнятся, а один раз кто-то из мальчишек, которые мне проходу не давали, саданул меня палкой, да так, что на спине здоровенный рубец остался. После того случая мама сказала не играть с этими мальчишками. Тогда я попробовал задружиться с девочками, но и они были не на много лучше, поскольку бросались от меня в рассыпную.

Мама отдала меня в среднюю школу, где я скорее мог бы стать как все, но, не много проучившись, моей маме пожаловались, что я довожу учителей до белого колена и мешаю другим ученикам. Хотя бы первый класс дали закончить, и на том спасибо.

Со мной ведь как бывало: сижу за партой, учительница обьесняет новый матерьял, и вдруг уж не знаю что у меня в голове переключалось, но я начинал глазеть в окошко на птиц, на белок и всякую живность, которая акупировала старый дуб на школьном дворе, а учительница на меня ругалась. Бывало и еще того чище: почему-то вырывался у меня крик, и тогда меня выставляли из класса, чтоб я в коридоре на скамейке остыл. Другие ребята со мной не играли и вообще. Только гоняли меня, чтоб я орал им на потеху. Все, кроме Дженни Каррен – та хотя бы от меня не удирала, а изредко даже разрешала после уроков домой проводить.

А на следующий год перевели меня в крякционную школу – ну, доложу я вам, это было нечто. Можно подумать, кто-то спецом рыскал по городу и высматривал всяких чудиков, от моих ровестников до переростков лет 16-ти или 17-ти даже, чтоб собрать их в одном месте. Там и придурки были всех мастей, и припадочные, и такие, кто ни поесть сами не могли, ни до тубзика дойти без посторонней помощи. Я среди них, щитай, самый умный был.

Один толстяк лет примерно 14-ти страдал какой-то трясучкой, как на электрический стул посаженный. Когда он просился выйти по маленькому, мисс Маргарет, учительница наша, поручала мне сопровождать его в тубзик, чтоб он там чего-нибудь не учудил. А он все равно за свое. Как его остановишь? Я, бывало, запрუსь в кабинке и не высываюсь, пока он не кончит, а потом веду его обратно в класс.

В той школе-дурке проучился я лет пять или шесть. На самом деле там и хорошего было не мало. Нам показывали, как рисовать прямо пальцами, как мастерить всякие подделки, но в основном упор был на полезные навыки: как шнурки завязывать, как за едой не свинячить, не бесица, не орать, грязью не бросаца.

Книшки там были не в ходу, зато нас приучили распознавать указатели и всякое такое, вбили нам в головы разницу между «М» и «Ж». А другого и ждать не приходилось, поскольку там были реальные придурки, что с них возьмешь? Кстате, нас для того, наверно, туда и согнали, чтоб мы людям глаза не мозолили. Никому не интересно, когда скопище дебилов под ногами путаеца. Даже я это понимал.

В 13 лет стало со мной творца что-то не понятное. Во-первых, я пошел в рост. За полгода вымахал на шесть дюймов, мама умаялась мне брюки выпускать. А в добавок меня разнесло в ширину. К 16-ти годам во мне уже было росту под два метра и весу чуть не сто кило. Я точно знаю, поскольку меня водили на взвешивание. И там сказали: это уму не постижимо.

Но заразительную перемену в моей жизни вызвали следующие события. Иду я однажды домой из этой школы-дурки, и вдруг рядом со мной машина тормозит. Водитель меня окликнул, спросил, как зовут. Ну, я ответил, тогда он спрашивает: где учишься и почему я типо раньше тебя не видел? Пришлось рассказать ему на счет крякционнй школы, а он возьми да и спроси: ты в американский футбол играешь? Я только головой помотал. Можно было, конечно, рассказать, что я видал, как другие ребята гоняют мяч, но меня в игру никогда не брали. Ну, как я уже говорил, долгие беседы – это не мое. Головой помотал, и ладно.

Было это недели через две после каникул. А еще через три дня или не много позже забрали меня из крякционнй школы. За мной мама пришла, тот дядька

на машине подъехал, а с ним еще двое, с виду амбалы самые настоящие, – видать, он их с собой прихватил на тот случай, если на меня что-нибудь накатит. Выгребли из моей парты все вещички, побросали в бумажный пакет и велели мне попрощаться с мисс Маргарет, а она вдруг в слезы и давай обнимаца. Потом велели сказать досвиданье всем остальным придуркам, и те стали пускать слюни, дергаца и по партам кулаками барабанить. Короче, только они меня и видели.

Мама устроилась рядом с дядькой-шофером, а я сзади, между двумя амбалами, как в кино показывают, когда полицейские везут злодея «в отдел». Только мы ни в какой отдел не поехали. А поехали в новую, недавно отстроенную школу. Там у себя в кабинете нас поджидал директор, я вошел с мамой и с шофером, а те амбалы в коридоре остались. Директор – седой старикан, галстук в пятнах, штаны на задку мешком висят, будто сам только что из дурки. Пустился в объяснения, вопросами сыпет, а я знай киваю. Им от меня одно требовалось: чтоб я в американский футбол играл. Это и дураку понятно.

А дядька-шофер, Феллерс его фамилия, оказался школьным тренером по футболу. В тот день я на уроки не пошел, вместо этого тренер Феллерс повел меня в раздевалку, где один амбал стал подбирать мне футбольную икипировку: щитки всякие, каркас, пласмассовый шлем суперский, с такой типо маской, чтоб физиономию не разбили. Только одна проблема возникла: все ихние бутцы оказались мне малы, так что пришлось в красовках остаца, а бутцы для меня по спец-заказу выписали.

С помощью двоих амбалов тренер Феллерс надел на меня полную омуницию, но мне тут же было велено все это снять и по новой одеца – и так раз десять или двадцать даже, чтоб самому наловчица. И только одна штукovina мне никак не давалась: такая накладка на писюн, «ракушка» называеца – зачем она вообще нужна? Короче, стали они мне объяснять, и один амбал другому говорит, типо «совсем куку» – надеялся, не пойму, но я-то все понял, потому как ухо остро держу. Да нет, я без обид. Меня и похуже обзывали. Просто отметил для себя, вот и все.

Вскоре в раздевалку потянулись ребята – достают из шкафчиков спортивную форму, переодеваюца. Вышли мы во двор, тренер Феллерс подозвал всех к себе, меня вывел в перед и прецтавил. Но на этом дело не кончилось, стал он дальше распинаца, только я не слушал, потому как совсем здрейфил – где это видано,

чтоб меня расписывали перед целой толпой. Но потом ребята сами стали ко мне подходить, жать руку и говорить, что они типо рады, то, се. Тут тренер Феллерс как свиснет у меня над ухом – я чуть не обделался, а ребятам хоть бы что: запрыгали, разминку начали.

Вобщем, это долгая история, а если коротко – заделался я футболистом.

Тренер Феллерс и один его амбал мне поцказывали, что нужно делать, потому как играть я не умел. А там премудростей не мало: нужно блок ставить от противников, то, се, мне объясняли, что к чему, но вскоре парни вроде стали кривица, поскольку я не мог сразу всего упомянуть.

Затем по указке тренера перешли к обороне: поставили передо мной троих парней и велели мне сперва прорваца сквозь ихний заслон, а после схватить игрока, бегущего с мячом. Первое задание – легкотня, протаранил я эту троицу, да и все, а дальше неудовольство началось: видите ли, я игрока с мячом неправильно заграбастал. Отвели меня в сторону, к вековому дубу, и заставили раз 15 на него бросаца, а то и 20 даже, чтобы типо прием освоить. После этого было решено, что дуб меня кой-чему научил, снова пригнали ту троицу и парня с мячом, но на мою голову посыпалась ругань, потому как мне, снеся не по децки блок, полагалось жестко напрыгнуть сверху на бегущего. Чего только я не наслушался, а после тренеровки подошел к тренеру Феллерсу и говорю: так, мол, и так, на игрока с мячом напрыгивать отказываюсь – боюсь ему кости переломать. А тренер такой: успокойся, ничего не случица, он же в защитном снаряжении. Если честно, я не того боялся, что игрока покалечу, а чтоб меня и здесь травить не начали в случае чего. Короче, прошло не мало времени, прежде чем я пообвыкся.

Ко всему протчему, мне ведь и уроки пришлось посещать. В школе-дурке нас особо не загружали, а здесь-то все было по взрослому. Со временем этот вопрос решился – назначили мне эндевидуальный порядок обучения: три урока сию в классе само подготовки, занимаюсь своими делами, а еще на три урока приходит какая-то тетенька и учит меня читать. С глазу на глаз. Училка попалась добрая, красивая, у меня не раз и не два закрадывались на счет нее гнустные мысли. Мисс Хендерсон – вот как ее звали.

Любимый урок у меня был – обед, но это, наверно, не совсем урок даже. Когда я ходил в школу-дурку, мама давала мне с собой будьтеброт, печенюшку и кусочками нарезанный фрукт – только не банан, естественно. А в этой школе

имелась столовая и там блюд 9 на выбор или 10 даже – у меня глаза разбегались, не зная, что взять. Видно, кто-то шепнул об этом тренеру Феллерсу – вызывает он меня где-то через неделю и говорит: ты, мол, не робей, лопай от пуза, «все включено». Черт, кабы знать!

Прикиньте, кто явился ко мне во время самоподготовки: Дженни Каррен. Заходит на переменке и говорит, мол, я тебя помню с первого класса. А сама уже прямо девушка, волосы красивые, черные, ноги от ушей, личико симпатичное и, стесняюсь сказать, все при ней.

Мои футбольные успехи не слишком радовали тренера Феллерса. Ходил он с кислым видом, на ребят покрикивал. На меня, конечно, тоже. Мне общими силами создавали такие условия, чтоб я просто был на чеку и мешал противникам схватить нашего бегущего, но у меня плохо получалось, особенно когда мяч оказывался на средней линии. Да и захваты мои никак не устраивали тренера, и потому, честно сказать, он все чаще посылал меня обнимаца с дубом. К тому же я никак не мог в нужный момент okazaца там, где можно напрыгнуть сверху на парня с мячом. Что-то мне мешало.

Но в одночасье и это все изменилось. В столовке я теперь набирал себе гору еды и подсаживался к Дженни Каррен. Разговоров никаких не заводил, просто она, единственная из всех учеников, оказалась мне более-менее знакома, да и вообще приятно было рядышком с ней посидеть. Обычно Дженни в мою сторону не смотрела, болтала себе с другими ребятами. По началу-то я садился вместе с футболистами, но те в упор меня не видели. А Дженни Каррен хотя бы не делала вид, что меня рядом нету. И вот проходит не много времени, и я начинаю замечать, что возле нее постоянно крутица один баклан, да еще прикалываеца: «Как поживает наш Тормоз?» и всякое такое. Неделю-другую я помалкивал, но потом не выдержал и говорю: «Я не тормоз». Этот вытаращился на меня да как заржет! Дженни Каррен велела ему умолкнуть, а он берет картонку молока и выливает мне на брюки, я от неожиданности испугался – и бежать.

Через пару дней подваливает ко мне все тот же баклан и грозица меня «достать». Весь день меня трясло со страху, а после обеда, на пути в спортзал, он меня подкараулил, да не один, а с бандой дружков, и как ткнет в плечо. Гадости всякие выкрикивает, обзывает дегенератом и по всякому, а потом как даст мне под дых. Не то чтобы очень больно, только я разревелся и пустился бежать, а сам слышу – за мной вся банда несеца. Ну, бегу я в спортзал, это за футбольным стадионом, и вдруг вижу – тренер Феллерс на трибуне сидит и с

верху зырит.

Банду, что за мной гналась, как ветром с дула, а тренер Феллерс аж в лице изменился и велел мне срочно идти переодеваца. Прошло не много времени, заходит он в раздевалку, сует мне лист бумаги с тремя схеммами розыгрышей и говорит выучить их на зубок.

А на тренеровке разбил нас на две команды, построил в две шеренги – и вдруг квотербек бросает мне мяч, чтобы я, значит, бежал за правый конец линии к воротам. Другие за мной погнались, – ну, тут уж я припустил, и меня только тогда сбили с ног, когда семь человек навалилось или восемь даже. Тренер Феллерс, довольный как слон, аж запрыгал, завопил, стал каждого по спине хлопать. У нас и раньше забеги устраивались, чтобы все показали, на что способны, но когда за мной погоня, я еще больше ускоряюсь. Каждый дурак так делает, правда же?

Короче, популярность моя после того случая очень выросла, и парни из команды ко мне подобрели. Мы провели свою первую игру, и я так дрейфил, что поджилки тряслись, но мне бросали мяч – и я раза два или три забегал за линию ворот, после чего все полюбили меня как родного. Конечно, в этой школе жизнь моя текла совсем по другому. Мне даже понравилось бегать с мячом, только меня в основном направляли по боковым линиям, потому как я по прежнему не мог попасть, куда мне хотелось, – чтоб прямо по людям бежать, как делают в середине. Один из амбалов высказался в том смысле, что я самый левый полузащитник во всем школьном американском футболе. Чудица мне в этом какая-то подколка.

Короче, с мисс Хендерсон я основательно продвинулся в чтении. Она мне дала Тома Соера и еще две книшки, названий щас не вспомню, я их унес домой и все перечитал, а потом она – бац – контрошу мне дает, и там, конечно, я подкачал малость. Но книшки мне понравились.

Прошло не много времени, опять я стал в столовке подсаживаца к Джени Каррен, и довольно долго никаких неприятностей не было, но как-то раз по весне иду я домой из школы – и кого я вижу? Того баклана, который меня тогда молоком облил и потом еще разборку устроил. Он где-то палку взял и давай на меня обзываца: «кретин», «тупой» и по всякому. Другие стоят глазют, и тут идет Дженни Каррен, а я уже собрался бежать, но сам не знаю, с чего передумал. Этот баклан как ткнет меня палкой в живот, а я про себя подумал:

была не была, одной рукой перехватил его клешню, а другой врезал ему по башке, и, грубо говоря, дело с концом.

Тем же вечером маме позвонили предки того баклана и сказали: если, мол, я еще хоть пальцем трону их сыночка, они сообщат куда следует и меня «упекут». Я попытался объяснить, и мама сказала, что понимает, но я-то видел, как она переживает. И еще предупредила, что раз уж я теперь так вымахал, мне надо быть осторожней, чтоб кого-нибудь ненароком не прибить. Я кивнул и пообещал, что больше никого не обижу. Той ночью, лежа в кровати, мне было слышно, как мама плачет у себя в комнате.

Но, дав тому баклану по башке, моя игра значительно изменилась. На следующий день подхожу я к тренеру Феллерсу и прошу, чтоб он мне разрешил пробежать с мячом прямо по полю, он говорит, валяй, и я на бегу сбиваю четверых игроков или пятерых даже, всем пришлось снова за мной гнаца. В тот год взяли меня на первенство штата. Даже не верилось. Мама подарила мне на день-рождение две пары носок и рубашку. А потом еще подкопила денег и приобрела для меня костюм, в котором я отправился на вручение наград за победу в чемпионате штата по американскому футболу. Раньше у меня никогда костюма не было. Мама повязала мне галстук, и я пошел на автобус.

2

Банкет в честь команд призеров состоялся в не большом городе Фломатоне, про который тренер Феллерс говорил «Кружополис». Из нашего района пятерых или шестерых игроков команды-победительницы посадили в автобус и повезли туда. Ехали мы часа два, тубзика в автобусе не было, а я на дорожку выдул две бутылки лимонада, так что по приезду в этот Фломатон мне ужасно захотелось по маленькому. Торжественное мероприятие назначили в фактовом зале Фломатонской средней школы, и там мы с ребятами сразу пошли искать тубзик. Я заторопился растегнуть ширинку, но молнию заело, поскольку в ней застрял край рубашки. Дергал я, дергал – не туда и не сюда. Хорошо, какой-то добрый малец из команды соперников сбегал за тренером Феллерсом и двумя амбалами, и они попытались растегнуть на мне штаны. Один амбал говорит, мол, единственный выход – порвать. Но тренер Феллерс, руки вбок, уперся рогом: «Ты что думаешь, я так и приведу его в фактовый зал, с растегнутой ширинкой,

чтобы у него причиндалы торчали на всеобщее обозрение? Что о нас люди подумают?» Поворачиваеца ко мне и говорит: «Форрест, ты потерпи чуток, а когда все закончица, мы уж как-нибудь тебе поможем, лады?» Я кивнул, поскольку ничего другого не придумал, но заподозрил, что терпеть придется долго.

Войдя в фактовый зал, там уже была куча народу, все сидели за столами, улыбались и оплодировали нашему появлению. Нас усадили за длинный стол прямо на сцене, у всех на виду, и тут я понял, что опасался не напрасно: мероприятие затягивалось. Можно было подумать, каждый в этом зале должен толкнуть речь, в плоть до официантов и уборщицы. Жаль, мамы рядом не было, чтоб меня успокоить, – она лежала дома в постели, поскольку ее свалил гриб. В конце концов начали раздавать призы – мячики золотого цвета: каждого игрока выкликали по фамилии, чтоб он встал, подошел к микрофону, получил приз и сказал спасибо, а еще нас проинкрустировали, что при желании можно чего-нибудь добавить, но коротенечко, чтоб не застрять там до скончания века.

Почти все уже забрали свои призы, сказали спасибо, и наконец пришла моя очередь. В микрофон выкликнули: «Форрест Гамп!», а это – вроде я вам еще не говорил – и есть моя фамилия. Встаю, подхожу, мне вручают приз. Наклоняюсь к микрофону, чтобы сказать спасибо, – и тут все ожевились, захлопали, повскакали с мест. Ну, думаю, кто-то заранее наболтал, что я типо идиот, и публика теперь стараеца из вежливости. Но меня это до того удивило, что я растерялся и прирос к месту. Потом все умолкли, а ведущий, который у микрофона, спросил, не хочу ли я чего-нибудь добавить, ну, я и добавил: «Мне бы по маленькому».

Не на долго все в зале типо языки проглотили, потом начали как-то странно переглядываца, по залу тихий ропот пробежал, а тренер Феллерс подскочил ко мне, взял за локоть, увел на место и потом до конца мероприятия сверлил меня взглядом, но зато после окончания кликнул своих амбалов, с ихней помощью отвел меня обратно в тубзик, на мне рванули ширинку – и я напрудил чуть ли не ведро!

– Гамп, – сказал мне тренер, когда я облегчился, – ты у нас прирожденный оратор.

Следующий год был меньше наполнен событиями, но кто-то пустил слух, что в чемпионскую команду по футболу затесался кленический идиот, и на меня посыпались письма со всех концов страны. Мама их собирала и клеивала в альбом. А как-то раз пришла бандыроль из Нью-Йорка: официальный безбольный мяч с автографами всей безбольной команды «Нью-Йорк янкиз». Никогда еще я так не радовался! Хранил этот кожаный мячик как синицу ока, но однажды вышел покидать его на заднем дворе, а там здоровенная псина: выскочила не извесно откуда, подпрыгнула, поймала мячик на лету и сгрызла. Вечно у меня какой-нибудь облом.

Как-то раз вызывает меня тренер Феллерс и ведет в кабинет директора. А там уже сидит везетёр из какого-то университета, пожал мне руку и спрашивает, не планирую ли я играть в студенческой команде. Мы, говорит, к тебе присматриваемся. Я только головой помотал, поскольку ничего такого не планировал. А перед этим везетёром все заискивали: кланеюца, расшаркиваюца, величают его «мистер Брайант». Но мне он сразу сказал, чтоб я его звал просто Медведь, а я еще подумал, что имечко у него странноватое, хотя он и в правду чем-то на медведя смахивал. Тренер Феллерс честно предупредил, что способности у меня не ах и мне, вероятно, потребуеца помощь в учебе. Через неделю дали мне тэст со всякими заковыристыми вопросами, нам такой материал не обьесняли. Прошло не много времени, и я, заскучав, этот тэст отложил.

А еще через два дня снова являеца Медведь, и тренер Феллерс тащит меня к директору. Медведь совсем скис, но разговаривает вежливо, спрашивает, хорошенько ли я постарался, когда писал тэст. Я киваю, директор только глаза тарашит, а Медведь такой:

– Это крайне огорчительно, ведь результат свидетельствует, что мальчик – идиот.

Теперь уже и директор кивает, а тренер Феллерс стоит, руки в брюки, и растраиваеца. Похоже, со студенческой командой вопрос закрыли.

Но если для студенческого футбола меня сочли туповатым, то для армии США я оказался в самый раз.

Доучивался я последний год – весной всем нашим выдали аттестаты. Мне хотя бы разрешили сидеть на сцене и даже выдали черную мантию, а когда подошла моя очередь, директор объежил, что мне вручаеца «особое» свидетельство. Я двинулся к микрофону, и оба амбала, вскочив со своих мест, поспешили за мной – боялись, наверно, как бы я не выкинул такой же номер, как на том футбольном мероприятии. Моя мама сидела в первом ряду, плакала, заламывала руки, и я тоже радовался, поскольку сумел кой-чего добица.

Но когда мы пришли домой, я понял, что убивалась она не напрасно: меня ждала повестка, где говорилось, что мне надлежит явица в эту... как ее... мебелизационную комиссию. Я не сразу собразил, что к чему, но мама-то все поняла, ведь шел одна тыща шестьдесят восьмой год и в воздухе уже пахло всяким дерьмом.

Она дала мне с собой справку от директора школы, для предъевления в мебелизационную комиссию, но я по дороге ее посеял. А в комиссии творился форменный дурдом. Здоровущий чернокожий в военной форме орал на призывников и делил их на группы. Мы стоим, а он подходит и орет: «Так, одна половина идет туда, другая идет сюда, третья остаеца на месте». Толчея, все запутались, и даже я понял, что нами командует какой-то дебил.

Затолкали меня в кабинет, там нас построили в одну шеренгу и велели раздеца. Мне это не очень-то понравилось, однако же все подчинились, ну и я тоже. Стали нас осматривать, заглядывали в глаза, в нос, в рот и, стыдно сказать, в трусы. А потом и говорят: «Нагнись», и когда я нагнулся, кто-то засунул мне палец в задницу.

Полный беспредел!

Развернулся я, сгреб этого гада и отоварил по башке. Что тут началось, прибежали какие-то люди, напрыгнули на меня сверху. Ну, я-то ученый. Стряхнул их с себя – и за дверь. Примчался домой, рассказываю маме, что произошло, а она говорит:

– Успокойся, Форрест, все образуеца.

Но не тут-то было. На следующей неделе затормозил у нашего дома фургон, оттуда высыпали вояки в блестящих черных шлемах, подтянулись к дверям и

спрашивают меня. А я у себя наверху спрятался, но мама поднялась ко мне и сказала, что они просто хотят прокатить меня до мебелизационной комиссии. Всю дорогу вояки с меня глаз не спускали, типо я маньяк, что ли.

Втолкнули в какую-то дверь, за которой оказался просторный кабинет, а там вояка постарше, при полном параде, и тоже внимательно меня изучает. Усадили меня за стол и подсунули очередной тэст, куда легче того, университетского, но все равно не подарок.

Когда я управился, повели меня в другой кабинет, где за длинным столом сидели четверо хмырей, которые начали засыпать меня вопросами и передавать из рук в руки какие-то бумажки – похоже, мой тэст. Потом они все сбились в кучку, посоветовались, один что-то черкнул на бланке и протянул мне. Я принес этот бланк домой, мама запустила руки в волосы, зарыдала и возблагодарила Господа, поскольку там было написано: «Временно не годен» по причине умственной отсталости.

На той же неделе в моей жизни произошло эпохиальное событие. У нас в доме квартировала одна женщина, телефонистка по профессии. Звали ее мисс Френч. Очень хорошая, тихая, но как-то вечером, в самое пекло, когда что ни день были грозы, она высунула голову из комнаты, слышав мои шаги по коридору, и говорит:

– Форрест, я сегодня купила чудесные конфеты, шоколадные, хочешь отведать?

Хочу, говорю, и она приглашает меня к себе в комнату, а там под зеркалом стоит целая коробка. Мисс Френч протягивает мне конфету, спрашивает, не хочу ли я еще, а потом жестом предлагает присесть на кровать. Таких конфет умял я, наверно, штук десять или пятнадцать даже, а за окном молнии сверкают, занавески раздуваюца, и мисс Френч как бы потталкивает меня, чтоб я откинулся на подушку. А сама начинает не прилично меня поглаживать. «Закрой, – говорит, – глазки, и все у нас получица». Я оглянуца не успел, как со мной стало происходить кое-что новенькое. Точно не опишу, что конкретно, поскольку мне велели глаза закрыть и поскольку мама бы меня убила, но скажу одно: я совсем иначе стал смотреть в будущее. Проблема заключалась в том, что мисс Френч, хорошая, добрая, проделывала со мной такие штуки, которыми я бы предпочел заняца с Дженни Каррен. Но об этом я даже мечтать не мог,

поскольку такому, как я, назначить девушке свидание совсем не просто. Мягко говоря.

Впротчем, благодаря этому новому опыту я собрался здухом и спросил маму, как мне быть с Дженни, но, конечно, не словом не обмолвился про мисс Френч. Мама сказала, что сама все организует, позвонила маме Дженни Каррен, чтобы обрисовать ситуацию, и – о чудо! – кто появился у нашего порога на следующий же вечер: Дженни Каррен собственной персоной! Нарядная, в белом платьетце, с розовым цветком в волосах – я и вообразить не мог такую красоту. Вошла она в дом, мама провела ее в гостиную, подала молочный коктейль и стала звать меня, чтоб я спустился из своей комнаты, где спрятался, заведев на дорожке Дженни Каррен. Пусть бы лучше за мной гналась пятитысячная банда, чем выходить в тот момент из комнаты, но мама поднялась по лестнице, взяла меня за руку и привела в гостиную, где мне тоже дала молочный коктейль. У меня сразу гора сплечь.

Мама разрешила нам пойти в кино и за порогом выдала Дженни три доллара. До чего же Дженни была милая, как никогда: болтала, смеялась, а я только кивал и лыбился, как идиот. Киношка находилась кварталах в четырех или в пяти от нашего дома, Дженни сходила за билетами, мы вошли в зал и сели на свои места. Она спросила, не купить ли мне поп-корна, а когда вернулась, в зале уже крутили кино.

В фильме рассказывалось про одну парочку, мужчину и девушку, их звали Бонни и Клайд, они грабили банки, но там показаны и другие интересные люди. Только слишком уж много убийств, стрельбы и всяких таких гадостей. Просто смешно смотреть, когда люди вот так шмаляют по чем зря, чтоб только друг друга укокошить, и я все время хохотал, а Дженни Каррен от этого поежевалась. Где-то на середине фильма чуть было в пол не вжалась. А я подумал, что она из кресла выпала, и вцепился ей в плечо, чтоб на место ее вернуть.

И вдруг слышу: что-то вроде как порвалось, гляжу – а у Дженни Каррен платье разодрано и все наружу. Я другой рукой пытаюсь ее прикрыть, а она зашумела, дико руками замахала, а я что – я пытаюсь ее обратно в кресло втянуть, чтоб она снова не выпала и не оголилась еще больше, тут на нас уже стали оглядываца – что за возня такая? Смотрю – по проходу бежит какой-то дядька и фонариком светит прямо на нас с Дженни, а ей даже прикрыца нечем, она как завизжит, вскочила с места и припустила вон из зала.

Я оглянуца не успел, как откуда-то появились двое охранников и приказали мне следовать за ними в дирекцию. Через несколько минут примчались четверо полицейских и меня забрали. Посадили в патрульную машину, двое в перед сели, а двое на зад – по бокам от меня, в точности как те амбалы тренера Феллерса, только теперь поехали мы «в город», и меня провели в какой-то кабинет, где перемазали мне пальцы чернилом, сфоткали и бросили в тюрьму. Вот ужас-то был. Я весь извелся – беспокоился на счет Дженни, но потом приехала мама: глаза промакает платочком, пальцы заламывает, и я понял, что мне снова не здобровать.

Через несколько дней назначили какой-то спектакль в суде. Мама нарядила меня в костюм и пошла вместе со мной в суд. Там нас встретил обходительный человек, усатый, с толстой папкой для бумаг, который наплел судье с три короба, потом какие-то другие люди, в том числе и моя мама, стали говорить всякую фигню, а под конец вызвали меня.

Усатый потянул меня за локоть, чтоб я встал, и судья спрашивает: как такое могло случиться? А я откуда знаю, что полагаеца отвечать? Пожал плечами, да и все, а судья такой: вы ничего не хотите добавить? Ну, я и говорю: «Мне бы по маленькому» – в самом деле, мы там пол дня торчали, я чуть не лопнул! А судья – он аж вперед поддался, сидя за своим столом, и уставился на меня как на марсианина. Потом взял слово усатый, а после судья велел ему вывести меня в тубзик. Мне жуть как хотелось писать, но в дверях я все же оглянулся на маму, а она, бедная, голову ладонью подперла и глаза платочком промакает.

Короче, возвращаемся мы, а судья чешет подбородок и говорит, что случай «весьма специфический», но мне, по его мнению, следует пойти в армию или еще куда – на перевоспитание. Мама ему объясняет, что в армию Соединенных Штатов меня не берут, поскольку я идиот, но зато не далее как этим утром нам пришло письмо из университета, где сказано, что при согласии играть в футбол за ихнюю команду я смогу обучаца там совершенно бесплатно.

Судья мямлит, что это тоже весьма специфическая ситауция, но он не возрожает, лишь бы я убрался подальше из города.

С утра пораньше у меня уже была собрана сумка, мама отвела меня на автобусный вокзал и посадила в автобус. Я смотрю в окошко, а мама стоит, плачет и глаза платочком утирает. Эта сцена мне уже хорошо знакома. Прямотаки на вечно в память врезалась. Впрочем, автобус завелся, и я уехал.

В универе, сидя на скамейке в трусах и фуфайках, к нам в спортзал пришел тренер Брайант и давай толкать речь. Прямо как тренер Феллерс, но тут каждому дураку было понятно, даже мне, что этот мужик дело говорит!

Высказался коротко и ясно, а под конец объебил: кто последним прибежит к автобусу, чтоб ехать на тренировку, тот на автобусе не поедет, а полетит впереди собственного визга от тренерского пенделя. Вот так-то. И ведь никто не усомнился в его словах: к автобусу мы припустили как нахлестанные.

Все это происходило в августе месяце, когда такой жары, как в штате Алабама, нету больше нигде. Seriously: разбей яйцо на футбольный шлем – и секунд через десять получишь яишницу глазунию. Никто, конечно, таких опытов не ставил, чтоб не злить тренера Брайанта. К этому никто не стремился, потому как жизнь наша и так была почти не выносимая.

У тренера Брайанта тоже свои амбалы имелись, чтоб мной руководить. На кампусе они доставили меня в красивое кирпичное здание, которое, как кто-то обмолвился, называлось Обезьянник. При чем амбалы подвезли меня ко входу и проводили на верх, в мою комнату. Снаружи-то здание было красивое, а внутри совсем на оборот. Пыль, грязища, двери с петель сорваны, искаверканы, окна выбиты – по началу мне вообще показалось, что это не жилое помещение.

Но нет: на койках валялись парни, почти голые, при жаре в сто десять градусов по Форингейту, да еще мухи жужжали и всякие насикомые. В холле высилась стопка газет – я сперва испугался, как бы нас не заставили их все перечитать – тут же учебное заведение как никак, но потом сообразил: их нужно стелить на пол, чтоб при ходьбе не вляпаца в какое-нибудь кало.

Провожая меня в комнату, амбалы сказали, что надеюца застать там соседа моего, Кертиса, но тот куда-то срулил. Тогда они сами распаковали мои вещички, показали, где тубзик – это вообще жесть, хуже, чем на заправке-автомате, где единственное очко, и отвалили. Но перед уходом один мне и говорит: вы, мол, с Кертисом найдете общий язык, поскольку у каждого мозгов –

как у баклажана. Я очень внимательно посмотрел на этого остряка, потому что надоело уже выслушивать такую фигню, но он мне скомандовал «упал-отжался» и так полсотни раз. На будущее, чтобы старших уважал.

Расправил я простынь на койке, грязь прикрыть, и заснул. И приснилось мне, что сижу я вместе с мамой в гостиной, где мы всегда спасались от зноя, она приносит мне куфшин лимонада и часами на пролет со мной разговаривает, но вдруг дверь в мою комнату как грохнет, я перепугался до смерти! На пороге стоял какой-то парень, выражение на лице совершенно дикое, глаза выпучены, передних зубов вообще нету, волосы дыбом, как будто член в розетку сунул. Я собрался, что это и есть Кертис.

Крадеца он в комнату, озираясь по сторонам, будто опасаясь, как бы на него кто не напрыгнул, при чем шагает прямо по двери, которую только что сам же и вышиб. Росточку он не большого, по всему на комод похож. Первым делом спросил, откуда я родом. Из Мобайла, говорю, а он такой: «бздиловатый городишко», и сообщает, что сам родом из Оппа, где производят арахисовое масло, и если я это масло не люблю, он прямо щас откроет банку и задницу мне смажет! На день-другой все наше общение этим и ограничилось.

Во время вечерней тренировки жариха на поле зашкаливала за десять тыщ градусов, и амбалы тренера Брайанта в злобе носились среди игроков, чтобы нас подгонять. У меня язык уже свисал, как галстук, но я старался выполнять разминку как можно лучше. В конце концов поделили нас для отработки техники паса, и я оказался в защите.

К слову сказать, перед отъездом прислали мне бандыроль со схеммами миллиона разных футбольных матчей, я еще спросил тренера Феллера, что мне с ними делать, а он грусно так покачал головой и сказал покамест даже не пытаца что-либо делать, а спокойно дожидаяца зачисления в универ – там что-нибудь для меня придумают.

Напрасно я послушался тренера Феллера, потому как, побежав принимать первый пас, меня понесло не в ту сторону, и главный амбал обрушился на меня с криком, а когда устал кричать, спросил, внимательно ли мною изучены присланные схеммы. «Не-а», – только и сказал я, и он аж запрыгал, руками замахал, как будто на него осиный рой налетел. А успокоившись, приказал мне

пробежать пять кругов, чтоб он успел посоветовать на счет меня с тренером Брайантом.

Тренер Брайант сидел на огромной вышке и зырил на нас с верху в низ, как Великий Буда. Нарезаю я положенные круги, а сам наблюдаю, как тот амбал лезет на вышку и закладывает меня тренеру Брайанту, а тот вытянул шею в перед, и я прямо чувствую, как он жгет глазами мою дурную задницу. Вдруг из матюгальника загремел чей-то голос: «Форресту Гампу подойти к тренерской вышке». Вижу, тренер Брайант и его амбал слезят с вышки в низ. Припустил я туда, а сам думаю: лучше бы в обратную сторону бежать.

Каково же было мое удивление, когда на лице тренера Брайанта я заметил улыбку. Он сделал мне знак подойти к трибуне, мы сели рядом, и он спрашивает тоже самое: почему я не изучил присланные игровые схеммы. Я попытался объяснить, какой совет дал мне тренер Феллерс, но тренер Брайант не дослушал и велел возвращаца на линию, чтобы отрабатывать пасы, однако же я успел сообщить ему не приятное известие: что в школьной команде я ни одного паса не принял, поскольку там считали, что мне не под силу собразить, которая линия ворот – наша, да еще и на бегу поймать летящий мяч.

От такого известия тренер Брайант как-то странно прищурился и стал смотреть в даль, будто прикидывал путь до Луны, что ли. Потом он велел своему амбалу принести мяч, и когда мяч принесли, тренер Брайант сказал мне отбежать на не большое расстояние и повернуть голову. Я так и сделал, и он бросил мне пас. Я видел, словно в замедленной съемке, что мяч летит прямо на меня, но он как-то выскользнул у меня из пальцев и упал на землю. Тренер Брайант несколько раз покивал, мол, этого следовало ожидать, но у меня сложилось впечатление, что он не особо доволен.

С самого детства, когда я совершал плохие поступки, моя мама приговаривала: «Будь осмотрителен, Форрест, не то тебя упекут». Я на столько боялся того места, куда «упекают» людей, что всегда старался везти себя как можно лучше, но будь я проклят, если на земле была помойка отвратительней, нежели чем Обезьянник, куда меня поселили. Там парни творили такое, чего не потерпели бы даже у нас в школе-дурке: могли, к примеру, в сортире унитаза выкорчевать. Идешь в туалет по большому, находишь только дырку – и хоть обкакайся, потому что толчок давно в окошко выбросили на проезжавшую мимо машину. А однажды какой-то урод-лайнбекер где-то раздобыл винтовку и давай шмалять по окнам студенческого клуба напротив. А когда примчались университетские

копы, этот урод сбросил на ихнюю машину здоровенный подвесной мотор, который где-то нашел и заранее приволок в общагу. А какое он понес наказание: тренер Брайант заставил его пробежать несколько кругов.

Мы с Кертисом так и не нашли общий язык, и меня совсем тоска заела. Скучая по маме, я спал и видел, как бы вернуца домой. А этого Кертиса я просто-напросто не понимал. В разговоре он постоянно матерился, я даже слов таких раньше не слышал и, пытаюсь угадать их значение, упустил главную мысль. В основном она сводилась к тому, до какой степени его достает одно или другое.

У Кертиса была машина, и он изредко подбрасывал меня на тренировку, но однажды выхожу я к нему на встречу, а он, матерясь на чем свет, возица с тяжелой решеткой уличного люка. Как выяснилось, он проколол шину и хотел сменить колесо, сложил все гайки на снятый диск и нечаянно смахнул их в люк. Нам грозило опоздание, что считалось грубым нарушением, и я ему говорю:

– Ты отвинти от каждого колеса по одной гайке, и получица у тебя по три гайки на каждое колесо – до стадиона как-нибудь дотянем.

Кертис на миг даже материца забыл и, уставившись на меня с земли, спрашивает:

– И как только дотумкал? Ты же вроде идиот?

А я ему отвечаю:

– Ну, идиот, зато не тупой.

Тут Кертис прямо взбеленился, вскочил с земли и погнался за мной с гаечным ключом, обзываясь всеми грязными словами, какие только знал, и после того случая наши отношения в конец испортились.

Я решил от него куда-нибудь отселица и после тренировки, спустившись в подвал Обезьянника, остался там на весь вечер и на ночь. В подвале было не грязней, чем в комнатах, да и лампочка на потолке уцелела. На другой день перетащил я туда свою койку и там обосновался.

Между тем в универе начались занятия, и администрации пришлось думать, как со мной поступить. На кафедре легкой атлетики был один препод, который вроде ничего не преподавал и только устраивал дела всяких балбесов, чтоб их не отчислили за неуспеваемость. Некоторые предметы считались легкотней, например «физическая культура», и меня сразу туда записали. Но по мимо этого, мне полагалось ходить на английский и литературу, а так же выбрать одну из, естественно, научных или математических дисциплин – их было никак не обойти. Позже я узнал, что есть определенные преподаватели, которые футболистов особо не напрягают, учитывая, что те выкладываюца на футбольном поле и не могут разбазаривать свое время на учебу. Один такой препод был на кафедре физики, но читал он, к сожалению, только спецкурс промежуточного уровня по «Теории света» или как-то так, расщитанный вроде бы уже на выпускников. Но меня все равно туда запихнули, хотя, по мне, что физическая наука, что физическая культура – не велика разница.

С английским и литературой мне повезло меньше. На кафедре английского отзывчивых преподавателей не было вовсе, поэтому мне сказали посещать занятия, потом на общих основаниях сдавать экзамены, а в случае «неуда» обещали посодействовать.

На промежуточной «Теории света» выдали мне учебник весом не менее двух кило – сплошная китайская грамота. Каждый вечер я у себя в подвале садился на койку под лампочкой, раскрывал этот толмут и через некоторое время с удивлением заметил, что щелкаю уровнения как орешки, и кое-какие вещи для меня прояснились. После первой контроли наш лектор – звали его профессор Хукс – вызывает меня к себе в кабинет. И говорит:

– Форрест, скажите честно: кто-нибудь поцказал вам ответы?

Я только головой помотал, тогда он, выдав мне листок с отпечатанным заданием, велел сесть за стол и при нем написать решение. Когда я управился, он проверил мою писанину и только пробормотал:

– Чудныделатвоигосподи...

Зато на английском дела обстояли совсем иначе. Препод, мистер Бун его звали, был очень строгий и говорливый. В первый же день задал нам домашку: каждому написать свою краткую авто-биографию. Я, конечно, намучился, почти

всю ночь не спал, думал-передумывал и записывал все подряд, что только приходило в голову, поскольку мне сказали «неудов» не бояца.

Через несколько дней мистер Бун раздает проверенные работы и над каждой авто-биографией прикалываетца. Доходит до моего сочинения: ну, думаю, сейчас разнос устроит, это точно. Но он взял со стола мою домашку и начал зачитывать в слух, для общего ознакомленья, а сам от смеха давица, ну и ребята в след за ним тоже похахатывают. А у меня там написано про школу-дурку, про тренера Феллерса и наше торжественное мероприятие, про мебелизационную комиссию, про поход в кино с Дженни Каррен и всякое разное. Дочитав до конца, мистер Бун объевил:

– Вот это поистине самобытный текст! Именно такого эффекта я от вас и добиваюсь.

И все стали на меня оборачиваца, а он продолжает:

– Мистер Гамп, обдумайте возможность перевода на отделение творческого письма... как вы только все это придумали?

А я и говорю:

– Мне бы по маленькому.

Мистер Бун сперва отшатнулся даже, потом как заржет, и за ним вся аудитория, а он и говорит:

– Мистер Гамп, вы настоящий балагур.

И снова я как-то не понял.

Первый футбольный матч состоялся в субботу, недели через две или три после тех событий. Я показывал себя в самом не выгодном свете, и в конце концов тренер Брайант решил – примерно как тренер Феллерс в мои школьные годы, – что со мной делать. Он просто дал мне возможность бежать. Бежал я в тот день очень даже не плохо, сделал четыре тачдауна, мы вынесли сборную

университета Джорджии со счетом 35: 3, и все хлопали меня по спине, да так, что потом не разогнуца было. Я только ополоснулся и сразу позвонил маме, а она слушала трансляцию матча по радио и теперь ее перевыполняло щастье! В тот вечер всюду собирались компашки, но меня никуда не позвали, так что я отправился к себе в подвал. Посидел там не много, а потом услышал музыку, доносившую откуда-то сверху и реально красивую. Сам не знаю зачем, но пошел я на верх, узнать, кто так здорово играет.

Оказалось, это один парень, Бубба, сидит у себя в комнате и упражняеца на губной гармошке. Сломав на тренировке стопу, ему ни в футбол было не поиграть, ни в компанию не пойти. Он мне разрешил присесть на свободную койку и послушать, мы даже не разговаривали, вообще ничего. Просто сидели друг против друга, он на одной койке, я на другой, и он играл на губной гармошке. Примерно через час я спросил, нельзя ли мне тоже попробовать, и он сказал: «Валяй». Я и подумать не мог, что это на всегда изменит мою жизнь.

Поиграл я не много, приноровился, уже не плохо получалось, а Бубба чуть с ума не сошел: говорит, никогда еще не слышал такой суперской фигни. Время уже было позднее, Бубба предложил мне взять с собой эту губную гармошку, и я не стал отказываца. Играл долго, пока глаза не стали слипаца, и только тогда лег спать.

На следующий день было воскресенье, я поднялся к Буббе, чтобы вернуть ему гармошку, а он такой: отставь себе, у меня другая есть. Я был просто на седьмом небе, решил прогуляца, сел под деревом и за день переиграл все извесные мне мелодии.

Когда стало смеркаца, поплелся я назад, в Обезьянник. Иду через внутренний двор и слышу, как девичий голосок окликает:

– Форрест!

Оборачиваюсь – и кого я вижу: Дженни Каррен!

Широко улыбаеца, подходит, берет меня за руку и говорит, что вчера видела мою игру, и как я здорово себя проевил, и все такое. Оказываеца, она совсем на меня не обиделась за тот случай в кино, сказала, что моей вины никакой не было, а просто невезенье какое-то. Предложила мне выпить с ней вместе коки-

колы.

Я не мог поверить своему счастью, что сижу рядышком с Дженни Каррен, а она рассказывала, как посещает занятия по музыке и театральному искусству, поскольку хочет выучица на артистку или певицу. Также она сообщила, что выступает с не большой фолк-группой, что завтра у них концерт в зале Студенческого союза и что она меня приглашает. Ну, доложу я вам, от нетерпенья меня прямо колбасило.

4

Кстате, у нас с тренером Брайантом и парнями из команды появилось «секретное оружие», которое никто не имел права упоминать в слух, даже промеж собой. Меня учили принимать пас. Каждый день я оставался после тренировки, и оба амбала, а вместе с ними наш квотербек бросали мне мяч и показывали, как ловить. Я на столько выдыхался, что язык до пупа свисал. Но все же кой-чего усвоил, и тренер Брайант сказал, что это и будет наше «секретное оружие», прямо-таки ядреная бомба или типо того, поскольку соперники заметят, что во время матчей мне не дают пасов, и потеряют бздительность.

– Вот тогда-то, – закончил тренер Брайант, – мы и сделаем ставку на твою здоровенную задницу: рост под два метра, вес под сто кило и сотню ярдов пробегаешь ровно за девять и пять. Это будет шок!

Мы с Буббой к этому времени очень подружились, и с его помощью я разучил новые мелодии на губной гармошке. Изрезко он спускался ко мне в подвал, мы сидели и оба наигрывали музыку, а Бубба даже говорил, что до меня уже не дотягивает. Могу признаца: кабы не эта гармошка, я бы, наверно, махнул на все рукой и домой бы уехал, но она мне так настроение поднимала, что не описать словами. Как будто весь мой организм сливался воедино с музыкой, а от этого у меня прям мурашки по спине бежали, когда я играл. Тут важно все: язык, губы, пальцы и даже как шеей вертеть. Мне вот что подумалось: пока я учился пасы принимать, у меня постоянно язык высывался и мало по малу стал длиньше, а это, грубо говоря, не хухры-мухры.

В пятницу я приоделся, Бубба дал мне какой-то лосьён для волос и еще лосьён для бритья, и почапал я в зал Студенческого союза. Там уже толпа, на сцене, как и следовало ожидать, Дженни Каррен и с ней еще человека три-четыре. У Дженни платье в пол, в руках гитара, кто-то другой на банджо наяривает, а один парень контрабас терзает.

Звук реально обалденный, а Дженни меня по верх голов заметила, улыбаеца и глазами показываеца: проходи, мол, в перед, садись. Между протчем, на полу сидеть вообще класно было, все слышно и Дженни Каррен видно в полный рост. Мне пришло в голову, что надо бы купить коробку шоколадных конфет, а потом спросить, не желает ли Дженни отведаца.

Концерт продолжался час с лишнем, и всем понравилось, у всех настроение поднялось. Музыка была такая: Джоан Баэз, Боб Дилан, Питер, Пол и Мэри[6 - ...Джоан Баэз, Боб Дилан, Питер, Пол и Мэри. – Американские фолк-музыканты, популярные в 1960-е гг. В 2016 г. Боб Дилан был удостоен Нобелевской премии по литературе «за создание нового поэтического языка в рамках великой американской песенной традиции»]. Я на полу растянулся, закрыл глаза, слушаю, и вдруг – не знаю, что на меня нашло, – вытащил из кармана губную гармошку и начал им подыгрываца.

И вот ведь какаца странность: Дженни пела «На крыльях ветра»[7 - «На крыльях ветра» («Blowing in the Wind») – песня Боба Дилана с альбома «The Freewheelin' Bob Dylan» (1963).], но когда я подыграл, она на миг умолкла, и банджоист тоже остолбенел, а на лицах у них у всех застыло удивление, однако Дженни быстро спохватилась и, с широкой улыбкой глядя на меня, продолжила, а банджоист – тот специально не вступал, чтобы все услышали мое соло на губной гармошке, и когда я закончил, весь зал мне оплодировал и кричал всякие пахвальные слова.

Когда музыканты взяли перерыв, Дженни спустилась ко мне со сцены и говорит:

– Форрест, что это было? Где ты научился так играца?

Вобщем, после того случая Дженни предложила мне подключица к ихней команде. Выступали они каждую пятницу, и когда у меня не было выездных матчей, я зашибал по двацаца пять баксов за вечер. Блаженствовал, как в раю, пока не узнал, что Дженни трахаеца с банджоистом.

К сожалению, успехи мои в английском пошли на убыль. Примерно через неделю после того, как мистер Бун зачитал перед всей аудиторией мою авто-биографию, вызывает он меня на ковер и говорит:

– Мистер Гамп, довольно балагурить, пора братца за ум. – И выдает мне сочинение, которое я накатал про поэта Уордсворта, а сам продолжает. – Эпохе романтизма не предшествовала «всякая классическая фигня». А поэты Поуп и Драйден не «выдрючивались».

Он велел мне переписать эту работу заново, и у меня закралось подозрение: как видно, мистер Бун еще не знает, что я идиот, но скоро догадается.

Между тем кто-то что-то кому-то шепнул, поскольку вскоре мой куратор-психолог с кафедры легкой атлетики вызвал меня к себе и говорит, что на завтра я освобожден от других занятий и утром должен явиться в университетскую клинику к доктору Миллзу. С утра пораньше являюсь к доктору Миллзу, а тот занят какими-то бумажками – перед ним большая стопка лежит, но сказал мне сесть и начал задавать вопросы. А потом и говорит, мол, раздевайся, нет, не полностью, а до трусов. Тут у меня, конечно, гора сплечь, поскольку я еще не забыл, что приключилось со мной в мебелизационной комиссии, но доктор Миллз просто очень внимательно меня изучил, заглянул, например, в глаза и простучал колени не большим резиновым молоточком.

А после спросил, не смогу ли я прийти во второй половине дня, захватив с собой губную гармонику, о которой он наслышан, и сыграть какую-нибудь мелодию у него на лекции. Я пообещал, хотя даже мне, слабо умному, это как-то странновато показалось.

В зале сидело человек сто, все в зеленых халатах, и все консперировали лекцию. Доктор Миллз вызвал меня к себе на подиум, усадил на стул и поставил передо мной кувшин воды и стакан.

Потом начал бубнить какую-то плешь, из которой я нифига не понял, но через некоторое время он, кажись, переключился на мою персону.

– Умственная отсталость и синдром саванта[8 - Синдром саванта – от фр. savant – мудрец.], – провозгласил он, и все уставились на меня. – Лица с таким

синдромом, подчас неспособные даже повязать галстук, а то и зашнуровать ботинки, остановились в своем умственном развитии на уровне ребенка от шести до десяти лет, хотя в данном случае мы наблюдаем физическое развитие, какому позавидовал бы, ммм, Адонис. – Доктор Миллз адресовал мне мало приятную улыбочку, но меня как заколодило. – Однако в мозгу таких лиц имеюца уникальные «острова гениальности», в слецтвие чего наш гость Форрест способен производить сложные математические вычисления, которые любого из вас поставили бы в тупик, а также подбирать по слуху, с легкостью Ференца Листа или молодого Бетховена, развернутые музыкальные темы. – И повторил, сделав широкое движение рукой в мою сторону: – Синдром саванта.

Уж не знаю, чего все ждали, но поскольку утром он меня просил чего-нибудь сыграть у него на лекции, я вытащил из кармана свою гармонику и стал наигрывать «Пуф, волшебный дракон»[9 - «Пуф, волшебный дракон» («Puff the Magic Dragon») – песня американского фолк-трио Питер, Пол и Мэри с альбома «Moving» (1963).]. Студенты на меня вылупились, как на клопа, и оцепенели, а закончив мелодию, никому даже в голову не пришло похлопать или хоть что-нибудь. Ну, думаю, значит, не понравилось, встал со стула, сказал «спасибо» и ушел. Мне-то плевать на них.

В том семестре произошло только два других более-менее важных события. Первое – мы выиграли Национальное студенческое первенство по американскому футболу и поехали на Апельсиновый кубок[10 - Апельсиновый кубок – ежегодный турнир по американскому футболу среди студенческих команд. Один из старейших кубков в США, впервые разыгранный в 1902 г. Ежегодно проводится с 1916 г. На ранних этапах победителям соревнований Апельсинового кубка по американскому футболу и одноименных соревнований по теннису вручался символический приз – кубок, наполненный апельсинами.], а второе – я убедился, что Дженни Каррен трахаецца с банджоистом.

Дело было в тот вечер, когда у нас планировалось выступление на каком-то мероприятии в одном из университетских клубов. А до этого у нашей команды была дико напряжная тренировка – у меня так в горле пересохло, что я мог бы из унитаза, по собачьи, воду вылакать. Но строениях в пяти или шести от Обезьянника находился не большой магазинчик-склад, и после тренировки я отправился туда, чтоб купить сахару и несколько лаймов, а потом в общаге приготовить прохладительный напиток по маминому рецепту. Из-за прилавка косенькая старушка уставилась на меня затравленным взглядом, как будто я

типо налетчик или бандит. Ходил я ходил вдоль стелажей, лаймы искал, и она в конце концов не выдержала: «Вам что-нибудь поцказать?» – ну, я и ответил: «Мне бы лаймов пару штук», а она такая: лаймов нету. Тогда я спросил, может, лимоны есть, потому как в принципе можно и лимонами обойтись, но у нее ни лимонов не оказалось, ни апельсинов, ничего. Это же типо склад. Уж не знаю, сколько я там топтался, час или больше, только старушенция совсем извелась и спрашивает: «Ничего не выбрали?» Ну, за не имением лучшего взял я со стелажки компот из нектаринов и сахар-песок, чтоб только от жажды не помереть – не обязательно ведь лимонад, можно и нектаринад типо приготовить. Пришел к себе в подвал, откупорил жестянку ножом, снял один носок, размял в нем нектарины и отжал сок в стеклянную банку. Туда же плестнул воды и разболтал с сахаром. Но, чесно сказать, на лимонад это не тянуло: если и был у моего напитка вкус, так в основном от потного носка.

Короче, к семи часам вечера я должен был явиться в тот клуб. Прибегаю, смотрю – двое-трое парней подключают аппаратуру, но ни Дженни, ни банджоиста не видать. Поболтавшись без дела в зале, вышел я на стоянку проветрица. Смотрю – машина Дженни припаркована, стало быть, только что приехала.

Все стекла у машины запотели, внутрь не заглянуть. Ох, думаю, не иначе как у ней окна и двери заклинило, а вдруг она едовитыми выхлопами отравица? Рванул дверь – открылась. И сразу свет зажегся.

Она там: разлеглась на заднем сиденье, верх платья спущен, подол задран. А банджоист ее сверху придавил. Дженни меня увидела, раскричалась, руками замахала, как тогда в киношке, а я подумал, что ее насильно затолкали в машину, схватил банджоиста за рубаху, потому как ничего другого на нем не было, и оторвал от Дженни.

Ну, даже распоследний идиот догадаеца, что я, как всегда, облажался. Боже милостивый, что там началось. Он меня материт, Дженни меня материт, а сама пытаеца лиф в верх подтянуть, а подол в низ одернуть. Потом говорит: «Ну, Форрест, это переходит все гранитцы!» – и уваялась. Этот перец подхватил свое банджо и тоже отвалил.

Вобщем, тот случай показал, что в фолк-группе я лишний, а потому мне оставалось только вернуца в подвал. Я так и не понял, что конкретно происходило в машине, но Бубба в тот вечер заметил в подвале свет, спустился ко мне и, услышав мой рассказ, доходчиво объяснил:

– Пойми, Форрест: они просто занимались любовью!

Может, я рано или поздно сам бы собрал, что к чему, но если честно, не хотел этого знать. Хотя мужчине иногда не вредно посмотреть в лицо фактам.

Наверно, хорошо, что футбол не оставлял мне свободного времени, поскольку настроение у меня было самое паршивое, зная, что Дженни занимаеца такими делишками с банджоистом, а мою кандидатуру, скорей всего, даже не рассматривает. Зато в том сезоне наша команда не знала поражений, и нам прецтояло встретца в финале студенческого первенства с кукурузниками из Небраски на стадионе Апельсинового кубка. Игра против команд из северных штатов каждый раз вырастала в целое дело, поскольку в них играли цветные, что повергало в шок кой-кого из наших, да хотя бы моего бывшего соседа по комнате, Кертиса, при том что я сам, например, совершенно не возрожал, так как все цветные, с кем я сталкивался по жизни, относились ко мне лучше, чем белые.

Короче, приехали мы в Майами на Апельсиновый кубок, наступило время матча, и у нас начался не большой мандраж. В раздевалку зашел тренер Брайант, но особо не распинался, а просто сказал, что ради победы типо нужно выложица по полной, нас выпустили на поле и произвели вбрасывание. Мяч полетел на меня, я поймал его на лету и рванул прямиком на коудлу чернокожих и белых быков-кукурузников, из которых каждый весил не менее двухсот кило.

Так повторялось раз заразом. После первого периода счет был 28: 7 не в нашу пользу, и мы, конечно, приуныли. Тренер Брайант опять пришел в раздевалку, головой качает, как будто на перед зная, что мы его подведем. А потом начал что-то чертить мелом на доске, инкрустировать нашего квотербека Змея и некоторых других парней, после чего выкликнул мою фамилию, чтобы выйти со мной в коридор.

– Форрест, – говорит, – с этой байдой пора кончатья. – Лицо у него вровень с моим, дыхание мне щеки жгет. – Форрест, – повторяет, – весь год мы с тобой тайно отрабатывали схеммы розыгрышей, и ты был на высоте. Сейчас, во втором периоде, мы должны применить все эти приемы против гадов-кукурузников, и пусть они так обалдеют, чтоб у них «ракушки» до щиколоток отвисли. Вся надежда на тебя, мальчик мой, действуй, беги, как от хищного зверя.

Я покивал, и тут пришло время выходить на поле. Болельщики орали, всячески нас поддерживали, но меня не покидало ощущение, что на мои плечи возложили не подильную ношу. Ну, никуда не денешься, всякое бывает.

Уже на поле, когда мы собрались в круг для обсуждения плана действий, Змей, наш квотербек, сказал:

– Значит, так: играем «серию Форреста». – А потом, повернувшись ко мне, напомнил: – Выбегаешь на двадцать ярдов, оглядываешься – и видишь мяч.

И ведь сработало, черт побери! Счет в момент стал 28: 14.

После этого игра у нас пошла как по маслу, но вот только эти бычары из Небраски, громилы-черные и мудилы-белые, тоже не терялись. У них были свои заготовки – в основном бегать прямо по нам, как по картонным.

И все равно они прибалдели, что я ловлю мяч на лету, и после четырех или пяти успешных пасов счет стал 28: 21. Тогда они назначили двоих игроков меня опекать. Но благодаря этому без опеки остался Гвинн, наш энд: он поймал пас от Змея и вывел нас на пятнадцатиярдовую линию. Наш бьющий, Мыш, забил гол с игры, и счет стал 28: 24.

Во время таймаута ко мне подошел тренер Брайант и говорит:

– Форрест, хоть ты и не гигант мысли, но как хочешь спасай положение. Я лично прослежу, чтобы тебя сделали президентом США или кем ты сам захочешь, если только ты еще разок прорвешься с мячом за линию ворот.

А потом погладил меня по голове, как щенка, и я вернулся в игру.

Змея нашего блокировали за линией уже в первой четверти, и время затикало очень быстро. Во второй четверти он попытался обдурить противников: притворился, будто хочет, вместо того чтобы делать бросок, отдать мне мяч из рук в руки, но на меня навалилось тонны две северного кукурузного мяса, черного и белого. Распластался я на спине и еще подумал: а каково же папе моему было, когда на него клеть бананов рухнула, но потом вернулся к нашим на толковище.

– Форрест, – объясняет мне Змей, – я сделаю фэйк – изображу, что передаю мяч в руки Гвинну, а сам сделаю бросок тебе; мне нужно, чтоб ты добежал до корнербека и свернул направо – там и примешь пас. – А у самого глаза дикие, как у тигра.

Я, конечно, киваю и делаю, как велели.

И будьте уверены, Змей выполнил бросок прямо на меня, и я пошел в прорыв к центру поля, ориентируясь на стойки ворот. Но откуда не возьмись нарисовался какой-то небраскинский бугай, а потом эти громилы-черные и мудилы-белые налетели на меня всей своей кукурузной кодлой, сграбастали, лупят, пинают – и свалили. Проклятье! А ведь победа была совсем близко. Поднявшись, вижу, что Змей уже расставляет команду для последней четверти, поскольку таймаутов у нас больше не осталось. Занял я свою позицию, он сразу дал команду к снэпу, я побежал – и вдруг он спецом делает бросок метров на семь выше моей головы, за линию – наверно, чтоб часы остановили, а времени-то оставалось секунды две или три всего.

К несчастью, Змей что-то перепутал: сдаеца мне, он подумал, что это третья четверть и у нас есть еще одна в запасе, а на самом-то деле это была четвертая, так что мяч мы потеряли и, конечно, игру слили. Я еще понял бы, если б это я так облажался.

Вобщем, мне совсем обидно стало, потому как Дженни Каррен по моим ращётам смотрела игру по телику и в случае моего успешного прорыва и нашей победы смогла бы меня простить за тот косяк. Но нет. Тренер Брайант был просто убит, но собрался с духом и сказал: «Ладно, ребята, на будущий год мы свое возьмем». Правда, ко мне это не относилось. У меня и тут облом вышел.

5

После Апельсинового кубка спортивный факультет провел атестацию по итогам первого семестра, а вскоре после этого вызывает меня тренер Брайант. Прихожу, а на нем лица нет.

– Форрест, – начинает он, – я могу понять, как ты умудрился не справиться с крякционным курсом английского, но до конца своих дней буду гадать, каким образом ты получил высший балл по теории света и одновременно завалил общефизическую подготовку, притом что тебя называли самым ценным беком студенческой команды во всей Юго-восточной Конференции!

Это долгая история – зачем грузить ею тренера Брайанта, но за каким чертом мне знать расстояние между стойками ворот на поле для европейского – даже не американского! – футбола? Впрочем, тренер Брайант посмотрел на меня с неупикуемой печалью на лице и говорит:

– Форрест, мне очень горько тебе об этом сообщать, но ты отчислен за академическую неуспеваемость, и в данном случае я бессилён.

Я стою, руки сцепил и не сразу понял главное: больше мне в футбол не играть. Из универа меня турнули. Скорей всего, и ребят наших я больше не увижу. А может, и Дженни Каррен тоже. Подвал придеца освободить, в следующем семестре «Теорию света, повышенный уровень» посещать не светит, хотя профессор Хукс дал мне рекомендацию. До меня не сразу все это дошло, но я чувствую – слезы поцтупают. Стою молчу, голову повесил.

Тогда тренер поднялся из-за стола, подошел ко мне и обнял за плечи.

– Форрест, – говорит, – не горюй, сынок. Когда ты к нам приехал, я сразу заподозрил, что примерно этим дело и кончица. И сказал начальству: отдайте мне, говорю, этого паренька на один сезон – о большем не прошу. Согласись, Форрест, сезон мы провели на славу. Это точно. И ты не виноват, что Змей в четвертой четверти мяч в аут зафигачил...

Поднял я голову и вижу: в тренерских глазах тоже слезинки поблескивают, а взгляд пристальный.

– Форрест, – говорит, – в команде нашего университета никогда не было и не будет игрока, равного тебе. Ты проевил себя великолепно.

Потом тренер отошел, посмотрел в окно и сказал:

– Удачи тебе, мой мальчик, а теперь ступай, не отсвечивай здесь своей широкой задницей.

Так и закончилась моя студенческая жизнь.

Спустился я в подвал, собрал свое барахло. Потом зашел Бубба с двумя жестянками пива, одну протянул мне. Я пива никогда раньше не пробовал, но понял, что на него не трудно подсесть.

Выходим мы с Буббой из Обезьянника – и что я вижу: во дворе построилась наша футбольная команда в полном составе.

Все притихли, Змей вышел в перед, пожал мне руку и говорит:

– Форрест, ты уж прости, что я так облажался с тем пасом, ладно?

А я ответил:

– Ничего страшного, Змей, всякое бывает.

Потом все стали подходить ко мне по одному и жать руку, даже Кертис, которого засупонили в корсет от шеи и ниже – очередная дверь в Обезьяннике ему не поддалась.

Бубба предложил донести мое барахло до автобусного вокзала, но мне хотелось остаца одному.

– Не пропадай, – сказал он.

Вобщем, дорога к автовокзалу шла мимо складского магазинчика, но это был не вечер пятницы, и выступление ансамбля Дженни Каррен не планировалось, так что я сказал себе: да пошло оно все, поднялся в автобус и поехал домой.

В Мобайл я приехал поздно вечером. Маме я не сообщил о своих неприятностях, чтобы ее не растраивать, но когда подходил к дому, увидел у ней в окне свет.

Вхожу, а она плачет и всхлипывает, в точности как мне запомнилось. А произошло, как она сразу выложила, следующее: армия США мгновенно пронюхала, что я не сдал сессию, и в тот же день прислала мне повестку. Знай я тогда столько, сколько знаю щас, я бы ни почем не явился на призывной пункт.

В назначенный день меня отвела туда мама. Она приготовила мне с собой какую-то еду в контейнере, чтобы я мог подкрепица на пути к месту прохождения службы. У призывного пункта собралось человек сто парней; подогнали четыре или пять автобусов. Здоровенный сержант на всех покрикивал, но моя мама, подойдя к нему, сказала:

- Не понимаю, как можно забирать в армию моего сына: он же идиот.

Но сержант, едва повернув голову в ее сторону, говорит:

- А все остальные тут, по-вашему, кто? Энштейны? - И давай орать пуще прежнего.

Мне тоже от него досталось, но потом я загрузился в автобус, и мы отъехали.

В школе-дурке на меня никто не орал, но потом началось: тренер Феллерс, тренер Брайант, ихние амбалы, а теперь еще и в армии. Но я вам так скажу: громче и дольше всех орали вояки. На них было не угодить. И притом они, в отличие от тренеров, не пеняли тебе за глупость и тупость, а все больше взывали в той или иной форме ко всяким не приличным частям тела и их работе, так что любой разнос начинался словами: иблан или жопа. Я вот думаю: не служил ли Кертис до универа в армии?

Вобщем, тряслись мы в автобусе часов, наверно, сто, пока не приехали в Форт-Беннинг, это в штате Джорджия, и в голове крутилось только 35: 3 - это счет, с которым мы вынесли команду «Джорджия догз». В казарме условия чуть получше, чем были в Обезьяннике, но жратва - это ужас какой-то, зато порции большие. А вообще на протяжении следующих месяцев мы только и делали, что выполняли приказы да выслушивали, как на нас орут. Нас учили обращению с автоматом, метанию ручной гранаты и как ползать по пластунски. В остальное время нам устраивали марш-броски, посылали чистить галюны и по всякому загружали. Форт-Беннинг запомнился мне в основном тем, что там не оказалось

ни одного человека на много умней меня, от чего, конечно, у меня гора сплечь.

Вскоре после прибытия схлопотал я наряд на кухню за то, что во время учебных стрельб нечаянно прострелил бак водокачки. Прихожу на кухню и слышу, что повар толи приболел, толи что, и какой-то перец, тыча в меня пальцем, распорежаеца:

- Гамп, становись к плите!

- Я никогда у плиты не стоял. А что готовить-то? - спрашиваю.

- Да без разницы, - отвечает. - Тут тебе не дворец «Сам-Соси»[11 - ...дворец «Сам-Соси»... - Обыгрывается название самой известной и самой роскошной достопримечательности Потсдама - дворца Сан-Суси, построенного в середине XVIII в. по проекту короля Фридриха Великого.], усек?

- Может, рагу? - поцказывает кто-то другой. - Самое простое.

- А это что? - спрашиваю.

- Пошарься в морозилке и в кладовой, - говорит тот же парень. - Что найдешь - тащи сюда, и пусть варица.

- А вдруг невкустно получица? - забеспокоился я.

- Да не гребет. Ты тут часто вкустное жрал?

Это, конечно, в точку.

Короче, притаранил я все, что мог, из морозильных камер и из кладовой. Нашел консервы: помидоры, фасоль, персики, а по мимо этого, бекон, рис, пакеты муки, мешки с картошкой и уж не знаю, что еще. Свалил это все на столешницу и спрашиваю кого-то из парней:

- А варить-то в чем?

- В чулане котлы есть, - отвечает, но когда я заглянул в чулан, там обнаружили только котелки маленькие, в таких на две сотни ртов ничего не сварить - тем более какую-то рагу.

- Может, у летенанта спросишь, - советует кто-то.

- Он на учениях, - отвечает другой.

- Ну, не знаю тогда, - говорит первый, - но наши парни вернуца голодные как волки, так что собрай быстрее.

- А вот это подойдет?

В углу кухни громоздилась гиганская железная емкость шести футов в высоту и пяти в обхвате.

- Вот это? Да это ж паровой котел, бляха-муха. В нем готовить нельзя.

- Почему это? - удивился я.

- Да фиг его знает. Только на твоём месте я бы не рисковал.

- А он уже горячий. И вода залита.

- Ну, как знаешь, - услышал я в ответ. - Фигли нам тут с тобой препираца - у нас своих дел до жопы.

Вобщем, решил я паровым котлом воспользоваца. Откупорил все консервы, картошки начистил, бросил в тот же котел мясо какое-то, добавил луку, моркови, а потом влил туда же кетчупа и горчицы бутылок десять или двадцать даже. Примерно через час по кухне поплыл запах стряпни.

- Как там ужин? - интересуеця кто-то.

- Сейчас, - говорю, - пробу сниму.

Отщелкиваю замок крышки, проверяю эту рагу, она кипит-бурлит, на поверхность то луковитца всплывает, то картофелина.

- Дай-ка я. - Один из парней взял жестяную кружку и зачерпнул. - Нет, - говорит, - не разварилось еще. Ты жару добавь, наши с минуты на минуту припруца.

Прибавил я жару - и точно, рота возвращаеца со стрельбища. Слышно, как ребята в душе плещуца, как одеваюца, и очень скоро потянулись в столовку.

А жратва-то не готова. Я вторично попробовал свою рагу и убедился, что она местами еще жестковатае. Из столовки недовольный ропот доносица, а там и ложками по столам застучали, и хором права качать начали, а я все над этим варевом калдую.

Еще через полчаса они реально тюремный бунт устроили: уже и вилками колотят, и ножами. Понял я, что тянуть больше нельзя, и поставил жар на максимум, а сам перенервничал, конечно, и тут врываеца старший сержант.

- Что за бардак? - кричит. - Где ужин для личного состава?

- Почти готов, сержант, - отвечаю, но тут котел начинает тарахтеть и дрожать. С боков пар валит, одна ножка от пола оторвалась.

- Это еще что? - вскинулся сержант. - Ты в паровом котле жратву варишь?

- Так ведь это ужин, - ответил я, и сержант удивленно вытаращился.

Его аж перекосило, будто перед неминуемой аварией, и тут котел как жажнет.

Что было дальше, точно не знаю. Помню только, что у столовой сорвало крышу, а стекла и двери повывлетели.

Ну, еще посудомоя впечатало в стену, а тот парень, что чистую посуду составлял, по воздуху полетел, как пуля.

Каким-то чудом мы с сержантом уцелели, а потом кто-то объяснил, что так бывает при взрыве гранаты: если стоишь совсем близко, тебя даже не зацепит. Правда, с нас сорвало всю одежду, но почему-то на голове у меня остался поварской колпак. И конечно, с головы до ног облепило нас хрючевом... Видок был такой... неупикуемый, очень, очень странный.

И вот еще что поразительно: кто в столовке находился, тоже не пострадали. Как сидели за столом, так и застыли, будто контуженные, только ужином заляпанные. Так ведь они сами устроили такой кипеш из-за того, что им вовремя жрать не подали!

Тут в столовой внезапно появился наш ротный.

- Что за бардак? - орет - Какого черта? - Тут он заметил нас с сержантом и рывкнул: - Сержант Кранц! Вы ли это?!

- Гамп! Котел! Рагу! - Слегка оклемавшись, сержант схватил со стены тесак для разделки туш. - Гамп! Котел! Рагу! - вопил он, гонясь за мной с тесаком.

Я в дверь - и он туда же, бежал за мной через весь плац, оттуда до офицерского клуба, потом до автобазы, но я, конечно, от него оторвался - тренировок даром не пропали, но, как видно, чем-то я здорово ему насолил.

Осенью в казарме вдруг задрезжал телефон: звонил Бубба. Он сказал мне, что его тоже выперли со спортивного факультета, лишив степендии, поскольку нога у него никак не зажевала. Но звонил он для того, чтобы узнать, не собираюсь ли я в Бирмингем, на игру с громилами из Миссисипи. Жаль, конечно, но после взрыва парового котла - а с тех пор уже год минул - меня каждую субботу назначали дежурным по казарме. Ладно, зато я, пока чистил галюнь, смог послушать репортаж по радио.

В конце третьего периода счет был почти равным - 38: 37 в нашу пользу, и Змей оказался героем дня. Но потом эти громилы из Миссисипи сумели сделать тагдаун. Всего за минуту до свистка. Начался четвертый период, и у нас больше не было таймаутов. Я про себя молился, чтобы Змей в этот раз не сделал так, как в финале Апельсинового кубка, то есть не загубил бы игру, отправив мяч за линию, и что вы думаете? Именно это он и сделал!

У меня просто сердце в пятки ушло. Но тут все заорали так, что на некоторое время заглушили комментатора, а когда утихли, оказалось, что Змей выполнил фейк, а на самом-то деле передал мяч Кертису, и тот сделал победный тачдаун. Вот на сколько умен тренер Брайант! Он правильно ращитал, что эти ребята из Миссисипи по своей тупости решат, что мы второй раз подряд наступаем на одни и те же грабли.

Так что я, конечно, обрадовался и подумал еще: интересно, смотрит ли трансляцию Дженни Каррен и вспоминает ли меня?

В прочем, все это не имело значения, поскольку через месяц нас перебросили за океан. Почти год отлаживали, как роботов, для отправки за десять тыщ миль от дома – без приувеличения! Отправили нас во Вьетнам, но сказали, что это на много лучше, чем было весь прошлый год. Вот это как раз оказалось приувеличением.

Прибыли мы во Вьетнам в феврале, и нас тут же погрузили в фургоны-скотовозы для отправки из Кинхона на гористый берег Южно-Китайского моря, в городок под названием Плейку. Доехали благополучно, по красивым местам – повсюду банановые деревья, пальмы и рисовые поля, на которых трудились низко рослые, раскосые местные крестьяне. Мы вели себя дружелюбно, они нам тоже махали.

Гора Плейку распозновалась издалека по висевшему над ней облаку красноватой пыли. А на поцтупах к городу теснились такие убогие лачуги, каких я даже в Алабаме не видывал. Под полотняными навесами жались друг к другу местные жители, сплошь беззубые, а детишки бегали голышом – короче, нищета. Добравшись до штаба бригады и базы огневой поддержки, ничего особо плохого опять же было не заметно, если не считать этой красной пыли. На первый поверхностный взгляд там, в принципе, ничто не предвещало – кругом тишь да гладь, все раз чищено, выметено, тянуца, на сколько хватает глаза, ряды палаток. И не скажешь, что в этих краях война идет. Можно подумать, приехали мы обратно в Форт-Беннинг.

Однако нам сказали, что такая тишина обьесняеца перемирием: у местных начался какой-то праздник, новый год, что ли, Тет по ихнему или типо того. У нас, конечно, гора сплечь, поскольку сперва-то мы струхнули. Но эта тишь да гладь

оказалась не долгой[12 - ...тишина объясняется перемирием: у местных начался какой-то праздник, новый год, что ли, Тет по ихнему или типо того. <...> Но эта тишь да гладь оказалась не долгой. – Тетское наступление (Наступление Тет, Новогоднее наступление) – нарушение партизанами-коммунистами традиционного новогоднего перемирия. Началось 31 января 1968 г. и, хотя силы Северного Вьетнама, понеся большие потери, были отброшены, имело мощный психологический эффект: именно после Тетского наступления общественное мнение в США утратило веру в возможность победы во Вьетнаме.]

Вернувшись в расположение части, нас отправили на помывку в бригадный душ. Оказалось, бригадный душ – это не глубокая яма, к которой подогнали три или четыре автоцистерны, и нам приказали снять форму, аккуратно сложить на земле, а самим залазить в яму, где нас принялись сверху поливать водой.

Это было очень кстате, поскольку мы уже с неделю не мылись и слегка запаршивели. Плещемся мы в этой яме, нас поливают из шланга, все путем, и вдруг стало резко темнеть, а потом раздался какой-то не понятный звук, кто-то из поливальщиков завопил: «Летит!» – и тут всех, кто стоял на краю ямы, как ветром сдуло, а мы стоим на дне ямы нагишом, переглядываемся, и вдруг грянул сильнейший взрыв, потом второй, и все, крича и ругаясь, стали думать, как бы дотянуца до своей формы. Вокруг рвуца снаряды, кто-то крикнул: «Ложись!» – что, конечно, было излишне, поскольку мы и так ползали по дну ямы: посмотреть со стороны – червяки, а не люди.

Следующая взрывная волна окатила нас говном, все заорали пуще прежнего, а парни в дальнем конце ямы начали вдобавок истекать кровью и зажимать поврежденные части тела. Все поняли, что яма – укрытие не надежное. Откуда ни возмись на кромке замаячил сержант Кранц и гаркнул, чтобы мы вылезли и двигались за ним. Дождавшись краткого промежутка в этой кононаде, мы выволокли свои задницы из ямы. И тут мне открылось такое, что боже упаси. На земле валялось четверо или пятеро наших поливальщиков, даже не похожих на людей, до такой степени они были изувечены – как через хлопкоуборочный комбайн пропущенные. А поскольку я раньше мертвецов не видал, для меня ужасней и страшней этой сцены не было ни до, ни после.

Сержант Кранц сделал нам знак ползти за ним, и мы подчинились – видел бы нас кто-нибудь сверху! Полторы сотни голых мужиков, извиваясь, ползут по земле длинной цепью...

На территории части были вырыты стрелковые окопы, и сержант Кранц запихнул нас по три-четыре человека в каждый одиночный окоп. Я пожалел, что уполз из ямы, В этих норах мы оказались по пояс в затхлой, склизкой жиже, образовавшейся после дождей, причем в ней кишели, извивались и прыгали лягухи, змеи, жуки и всякая мерзость. Застряв там на всю ночь, мы остались без ужина. К расцвету обстрел затих, мы по команде выволокли свои задницы из этих окопов, отыскивали свою форму, оружие и стали готовица отражать наступление вьетконговцев.

Мы, салаги, особой пользы принести не могли, и командиры, даже не зная, куда нас поставить, приказали нам охранять периметр с юга, где находился офицерский галюн. Но там было еще хуже, чем в стрелковых окопах, поскольку один снаряд угодил прямо в выгребную яму и разметал по территории не меньше двух центнеров офицерского говна.

Торчали мы там весь день, без завтрака, без обеда, а на закате снова начался обстрел, и каждому пришлось залечь мордой в говно. Ох, до чего же мерзопакостно!

Наконец кто-то собразил, что мы, вероятно, оголодали, и приказал доставить нам сухпак. Мне досталась холодная яишница с ветчиной, причем на жестянке стоял срок годности: «1951». За едой все стали обмениваца слухами. Одни утверждали, что город Плейку занят косоглазыми, другие – что на нас вот-вот сбросят атомную бомбу, а снаряды – это так, разминка была. Еще поговаривали, будто обстреливают нас вовсе даже не местные, а толи австралийцы, толи голанцы, толи норвежцы. Мне лично было пофигу. Говно эти слухи.

На следующий день мы мало по малу начали обживаца около южного периметра. Вырыли себе стрелковые окопы, а из досок и листов жести, прилетевших из офицерского галюна, соорудили над ними не большие защитные козырьки. В прочем, налетов больше не последовало, да и вторжения узкоглазых, в которых нужно стрелять, не случилось. Сдаеца мне, не такие они дураки, чтоб галюн атаковать. На протяжении трех или даже четырех суток нас обстреливали по ночам, но в то утро, когда обстрел прекратился, к нашему ротному подполз комбат, майор Боллз, и сказал, что нам нужно двигаца к северу, в джунгли, на выручку Третьей роте, попавшей в окружение.

Прошло совсем не много времени, и летенант Хупер приказал нам «седлать коней», тогда все принялись набивать карманы жестянками с сухпайком и

гранатами. Тут у нас возникла своего рода дилема: с одной стороны, гранатой утолить голод затруднительно, а с другой, она тоже лишней не бывает. Вобщем, загнали нас в вертушки, и мы полетели.

То, что Третья рота оказалась в полной заднице, мы поняли уже на подлете. Из джунглей поднимались дым и гарь, сверху нам были видны образовавшие проплешины, земля сотрясалась от взрывов. Не успели мы высадиться, как по нам открыли огонь. Один вертолет подбили еще в воздухе, и это была полная жесть: ребята сгорали заживо, а мы ничем не могли помочь.

Меня назначили таскать боеприпасы для пулемета – сказали, что моя комплекция для этого хорошо подходит. Перед загрузкой в вертушки отдельные личности стали просить меня взять к себе их гранаты, чтоб они захватили побольше сухпайков, и я согласился. От меня кусок не отвалица. А сержант Кранц в добавок нагрузил меня здоровенной канистрой воды, которая тянула на двадцать кило. И еще перед самой отправкой наш Дэниелс, которому доверили станину для пулемета, обдристался и не смог вылететь вместе со всеми, так что пришлось мне и станину тащить. Если прикинуть общий вес, это было все равно что волохать на себе бугая из числа небраскинских кукурузников. С той только разницей, что тут мы в игры не играли.

Когда уже сморкалось, мы получили приказ выдвинуца в гористый район и помочь Третьей роте, которая толи взяла в кольцо противника, толи сама попала в окружение – смотря чему верить: дяде Сэму или личным наблюдениям.

Вобщем, когда мы высадились, кругом падали снаряды, а вокруг лежало с десяток тяжело раненых, которые со всех сторон стонали и рыдали, заглушая все остальные звуки. Что до меня, я сгибался под тяжестью боеприпасов, канистры, станины и собственной приبلуды – бросить-то ничего нельзя. Проползая с грузом мимо щелевого убежища, я услышал, как сидевший там парень говорит своему товарищу: «Глянь, какая образина: вылитое чудовище Франкенштейна!» – и уже хотел ответить, что, дескать, нашел ты время и место шутки шутить, но... чтоб мне сдохнуть! Второй, молчавший солдат выскочил из укрытия и зовет:

– Форрест! Форрест Гамп!

И кого я вижу?! Это же Бубба!

Выходит, для футбола нога Буббы оказалась не годна, а для службы в армии за полмира от дома сгодилась. Впрочем, доволоч я свой груз до места, а потом Бубба подполз ко мне, и в минуты затишья (наступавшего при каждом приближении наших самолетов) мы с Буббой наконец-то поделились новостями.

Он рассказал, что Дженни Каррен тоже бросила универ и уехала протестовать с какими-то поцефистами или типо того. А еще – что Кертис дал по морде университетскому копу, когда тот выписал ему штраф за неправильную парковку, а затем пинками гонял этого блястителя закона по всему кампусу, покуда не появились прецтавители власти, которые набросили на Кертиса большую сеть и так отволокли в участок. За это тренер Брайант заставил Кертиса после тренировки намотать лишних пядесят кругов – в виде наказания.

Во дает Кертис.

6

Ночь тянулась долго, приткнуца негде. Наши самолеты летать не могли, а потому нас, щитай, весь вечер без наказано поливали огнем. Меж двух пригорков была не большая лощина, одну высоту удерживали мы, другую они, и бой велся за эту лощину – для чего и кому понадобился тот клочок глинистой грязи, никто не понимал. Впрочем, сержант Кранц постоянно твердил, что понимать – не наше дело, наше дело – приказы выполнять.

И очень скоро сержант Кранц, подойдя к нам, начал отдавать приказы. Велел перетащить пулемет метров на пядесят и установить слева от огромного дерева, торчавшего посреди лощины, причем в безопасное место, чтобы нас не поцтрелили нахрен. Из того, что я видел и слышал, было понятно, что такой вещи, как безопасное место, вообще не бывает, включая и то, где мы находились в данный момент, но сновать по этой лощине было бы полным апсурдом. А куда денешься – я старался все выполнять как можно лучше.

Мы с пулеметчиком Боунзом, с Дойлом – поднощиком боеприпасов, как и я, и еще с двумя парнями выпозли из своих нор и стали продвигаца по не большому склону. На полпути нас засекли узкоглазые и открыли огонь из пулемета. Тем не менее мы скатились до низу и от греха подальше рванули в джунгли. Не помню, какое это было расстояние в метрах, но почти такое же, как в ярдах, так что, оказавшись вблизи большого дерева, я и говорю Дойлу:

– Может, пора забирать левее.

А он смотрит на меня как зверь и шипит:

– Засунь язык в жопу, Форрест, там узкоглазые.

И верно: под деревом на корточках сидели шесть или восемь местных – перекусывали. Дойл взял гранату и, выдернув чеку, бросил ее в сторону дерева, но слишком высоко. Граната разорвалась в воздухе, узкоглазые загалдели по своему – и тогда Боунз застрочил из пулемета, а двое других метнули еще пару гранат для полного комплекта. Все это заняло не более минуты, и когда вновь наступила тишина, мы стали продвигаца.

Выбрали мы место для пулемета и затихарились до темноты, а там и на всю ночь, но ничего не произошло. С разных сторон до нас чего только не доносилось, но нам никто не досаждал. Квельые, голодные, но зато целые и не вредимые, встретили мы расцвет. Вскоре прибыл посыльный от сержанта Кранца и сообщил, что после полного уничтожения нашей авиацией засевших тут местных в нашу лощину выдвинеца Третья рота, буквально в считанные минуты.

Все верно: прилетели самолеты, сбросили свой боезапас и зачистили лощину от узкоглазых. Нам было видно, как Третья рота движеца по гребню, чтобы спустица в лощину, но не успели они ступить на склон, как все орудия в мире, включая минометы, принялись их растреливать, и поднялась не вобразимая сумятица. С наших позиций никаких вьетнамцев видно не было – их скрывали густые, как щетка, джунгли, но пальба не прекращалась. Может, подключились голанцы или норвежцы даже, кто их знает?

Наш пулеметчик Боунз сильно психанул, так как уже понял, что стреляют где-то впереди нас, то есть узкоглазые находяца между нами и нашими позициями, иными словами, мы отрезаны от своих! Он сказал, что рано или поздно если они не сомнут Третью роту, то вернуца восвосяи этой же дорогой, и если наткнуца на нас, то мало нам не покажеца. То есть он имел в виду, что хорошо бы нам смотаца отсюда побыстрее.

Собрали мы свою приблуду и только начали подъем, как Доул внезапно глянул в низ и в право, на дно лощины, и увидел целую толпу вновь прибывших узкоглазых, вооруженных до зубов: они поднимались по склону навстречу Третьей роте. Конечно, лучше всего было бы нам с ними задружица, забить на прошлые обиды, но так не бывает. Нырнули мы в высокие заросли, чтобы дождаца, когда узкоглазые поднимуца на пригорок. И тогда Боунз дал пулеметную очередь, единым махом уложив человек десять или пятнадцать даже. Мы с Дойлом и двое других метали гранаты, и перевес был теперь на нашей стороне, но Боунз, как на зло, расстрелял всю ленту. Я заправил новую, но когда он уже приготовился нажать на гашетку, его голову разнесла вьетнамская пуля. Боунз лежал на земле, все еще цепляясь за пулемет, как за бесценную жизнь, которую только что потерял.

Господи, какая же это была жесть, а дальше могло стать только хуже. Страшно было подумать, что сделают с нами вьетнамцы, если мы попадем к ним в лапы. Я позвал Дойла, чтобы держаца вместе, но ответа не было. Высвободив из пальцев бедняги Боунза пулемет, я сам подполз к остальным, но и Дойл, и двое других лежали на земле. Те двое были убиты, а Дойл еще дышал. Перепугавшись, я взвалил его, как мешок, на плечо и ринулся на пролом через кустарник в сторону Третьей роты. Под обстрелом пробежал, наверно, ярдов двадцать и подумал, что наверняка словлю пулю в зад. Но в этот миг шмыгнул я в какую-то прогалину и оказался на лужайке, поросшей низкими травами и, к моему изумлению, полностью занятой узкоглазыми, которые лежали на земле, смотрели в другую сторону и вели стрельбу – так мне показалось – по Третьей роте.

И что делать? Сзади враг, впереди враг – а теперь еще и под ногами у меня враг. Ну не знал я, как мне быть, а потому просто рванул в перед, да еще заорал во все горло. Наверно, я просто потерял голову, поскольку дальнейшего просто не помню. Очнулся уже среди наших, все хлопали меня по спине и поздравляли, как будто я сделал тачдаун.

Но похоже, перед этим я нагнал такого страха на узкоглазых, что они убрались восвояси. Опустил я Дойла на землю, им занялись санитары, а командир Третьей роты подошел ко мне, начал жать руку и приговаривать, какой я отличный парень. А потом и говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Есть радость в сумасшествии самом, она лишь сумасшедшему известна. – Афоризм влиятельного английского поэта, драматурга, критика Джона Драйдена (1631–1700) из комедии «Испанский монах» (1681) – здесь и далее примечания переводчика.

2

...у Фолкнера тоже идиот выведен, Бенджи зовут... – Бенджамин Компсон – умственно отсталый персонаж романа У. Фолкнера «Шум и ярость» (1929), от лица которого ведется повествование в первой части произведения. Бенджи – 33-летний мужчина с душой и сознанием ребенка – дает простые и наивные комментарии событиям своего рассказа, лишь изредка находя понимание в кругу рационально мыслящих людей.

3

...Страшила Рэдли из «Убить пересмешника»... – Артур Рэдли по прозвищу Страшила Рэдли – загадочный персонаж романа Харпер Ли «Убить пересмешника» (1960). Наводя своим затворничеством страх на соседских детей, он в конечном итоге оказывает им помощь в трудную минуту.

4

...Ленни из книжки про людей и мышей. – Физически сильный, но недалекий персонаж повести Джона Стейнбека «О мышах и людях» (1937), мечтающий о собственной ферме.

5

Великий Козлочей – то есть Великий Казначей, ведущий все финансовые дела в отделении ку-клукс-клана (аналогично – в масонской ложе).

6

...Джоан Баэз, Боб Дилан, Питер, Пол и Мэри. – Американские фолк-музыканты, популярные в 1960-е гг. В 2016 г. Боб Дилан был удостоен Нобелевской премии по литературе «за создание нового поэтического языка в рамках великой американской песенной традиции».

7

«На крыльях ветра» («Blowing in the Wind») – песня Боба Дилана с альбома «The Freewheelin' Bob Dylan» (1963).

8

Синдром саванта – от фр. savant – мудрец.

9

«Пуф, волшебный дракон» («Puff the Magic Dragon») – песня американского фолк-трио Питер, Пол и Мэри с альбома «Moving» (1963).

10

Апельсиновый кубок – ежегодный турнир по американскому футболу среди студенческих команд. Один из старейших кубков в США, впервые разыгранный в 1902 г. Ежегодно проводится с 1916 г. На ранних этапах победителям соревнований Апельсинового кубка по американскому футболу и одноименных соревнований по теннису вручался символический приз – кубок, наполненный апельсинами.

11

...дворец «Сам-Соси»... – Обыгрывается название самой известной и самой роскошной достопримечательности Потсдама – дворца Сан-Суси, построенного в середине XVIII в. по проекту короля Фридриха Великого.

...тишина объясняется перемирием: у местных начался какой-то праздник, новый год, что ли, Тет по ихнему или типо того. <...> Но эта тишь да гладь оказалась не долгой. – Тетское наступление (Наступление Тет, Новогоднее наступление) – нарушение партизанами-коммунистами традиционного новогоднего перемирия. Началось 31 января 1968 г. и, хотя силы Северного Вьетнама, понеся большие потери, были отброшены, имело мощный психологический эффект: именно после Тетского наступления общественное мнение в США утратило веру в возможность победы во Вьетнаме.

Купить: https://telnovel.me/ru/grum_uinston/forrest-gamp

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)